

Сборник содержит статьи, посвященные проблемам каменного века эпохи голоцена. Материалы ряда мезолитических и неолитических памятников из слабо изученных в этом отношении регионов публикуются впервые. Значительное место уделяется этногенетической проблематике. Освещаются вопросы неолитического искусства. Книга рассчитана на специалистов-археологов, преподавателей и студентов историков, а также на читателей, интересующихся далеким прошлым нашей страны.

Ответственный редактор
Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

Рецензенты
Т. А. ПОПОВА и И. Н. ХЛОПИН

**ИЗЫСКАНИЯ
ПО МЕЗОЛИТУ
И НЕОЛИТУ
СССР**

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института археологии
АН СССР*

Редактор издательства Т. Н. Богданова
Художник М. И. Разулевич
Технический редактор М. Э. Карлайтис
Корректоры Н. И. Журавлева, Л. Я. Комм, И. А. Курьянина

ИБ № 20064

Сдано в набор 25.10.82. Подписано к печати 11.03.83.
М-31936. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 12+
+ 1 вкл. (2/3 печ. л.)—17,82 усл. печ. л. Усл. пр.-отт. 17,67.
Уч.-изд. л. 20,02. Тираж 1050. Изд. № 7833.
Тип. вак. 1817. Цена 3 р.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

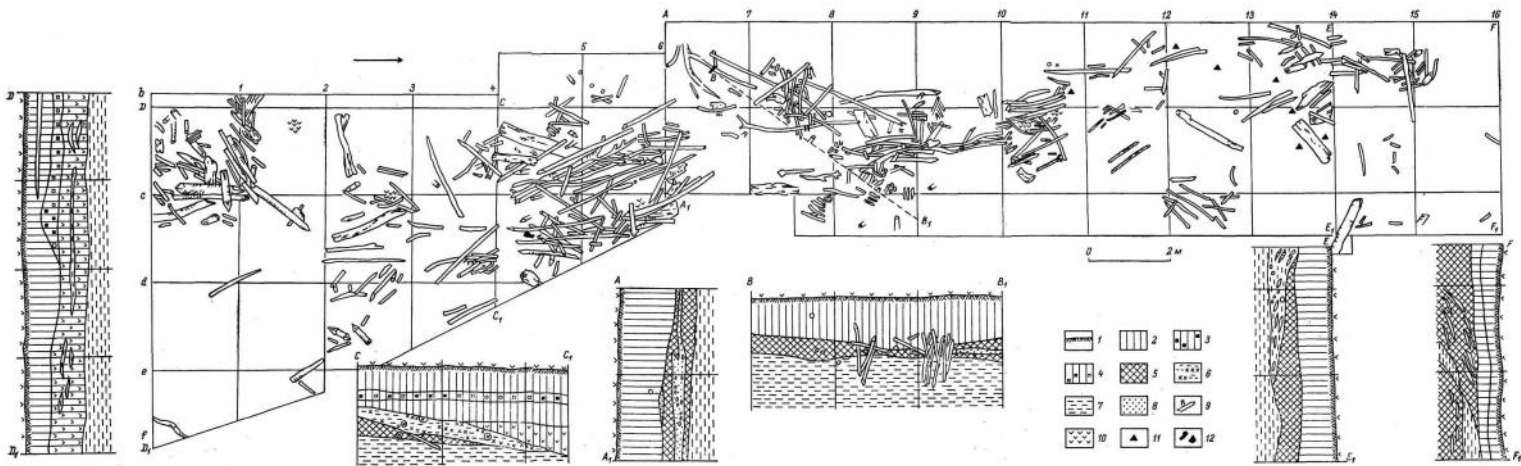

Рис. 1. План захона і розрізи напхастової.

1 — дуб; 2 — торф; 3 — торф з остаточною кристалізацією; 4 — торф з остаточною кристалізацією; 5 — сапропель; 6 — сапропель з алювієм; 7 — вапняк; 8 — пісок; 9 — брусина в ґрунті; 10 — червоні кераміки; 11 — гонимі; 12 — дерев'яні предмети.

единство технологии и форм, которое может быть объяснено лишь импульсом от одной и той же более развитой культуры (рис. 1). Таковой могла быть лишь буго-днестровская, а время ее воздействия, скорее всего, вторая половина V тыс. до н. э. В развитом неолите четко вырисовываются различия в керамике, которые позволяют выделять западнополесский вариант неманской и полесский вариант днепро-днепровской культур. Несмотря на соседство территорий, прямых контактов между носителями этих культур с верхнеднепровской не существовало. Вместе с тем очевидно сосуществование их в первых столетиях II тыс. до н. э. с племенами культуры шнуговой керамики и боевых топоров и участие в сложении культур периода средней бронзы.

Есть еще много нерешенных задач в исследовании Полесья, среди них наиболее актуальны следующие: ответ на вопрос, существуют ли особые микромакролитические культуры, или речь идет лишь о воздействии микролитических культур на макролитические и обратно; выявление на Волыни древних (в V тыс. до н. э.) ареалов культуры гребенчато-накольчатой керамики и соотношение их с буго-днестровскими; установление территориальных центров культуры и ее периферии, в большей степени подвергавшейся влияниям. Надо выяснить причины столь сильной диффузии балтийских неолитических культур (IV—начало III тыс. до н. э.) в неманскую, что элементы, восходящие к древней гребенчатой керамике, оказались затуплены и отодвинуты на второй план. Почему, с другой стороны, самобытность неманской культуры была столь высокой, что ее существенно не поколебали ни контакт, ни проникновение племен культуры шнуговой керамики? И, наконец, где раньше появились носители шнуговой керамики — в Понеманье или Поднепровье?

Таковы некоторые проблемы неолита Полесья. Выяснить и подойти к их решению под силу лишь коллективу исследователей, вырабатывающему единый методический подход в описании и интерпретации материала. В работах, ведущихся в данном направлении, особенно велика роль Н. Н. Гуриной, внимание которой концентрируется на этногенетической проблеме и методических предпосылках для ее решения.

Р К. РИМАНТЕНЕ

РЫБОЛОВНОЕ СООРУЖЕНИЕ НА БЕРЕГУ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

(Швянтойи 9)

Комплекс памятников каменного века Швянтойи находится на берегу Балтийского моря на месте ныне осушенного болота между деревнями Кунигишкяй и Швянтойи. Археологические исследования велись в 1966—1972 гг.; было открыто 42 местонахождения и поселения каменного века, семь из которых полностью изучены. В 1971 и 1972 гг. на участке Швянтойи 9 исследовалось рыболовное сооружение, пока единственное в Прибалтике.

Памятники каменного века располагались вокруг бывшей старицы р. Швянтойи, превратившейся в приморское озеро. В древности оно, по-видимому, соединялось с морем. На создавшемся затем перешейке далеко от других поселений и был сооружен закол для рыбной ловли (рис. 1).

Место, выбранное для раскопа, было расчищено в процессе мелиоративных работ. На поверхности оказался лишь один кремневый нуклеус и одно грузило от сети, выброшенные при рытье канавы. Во время пробных раскопов в 1970 г. в одном были обнаружены обрубленные кольца с корой, стоящие плотно один к другому. В 1971 г. раскопанная площадь составляла 60 м², в 1972 г. — 136 м². Западная часть раскопа была слегка задета дренажной канавой, которая, однако, не достигла культурного слоя. Весь участок раскопа, расположенный ниже уровня зеркала воды, ежедневно во время работы затоплялся, вследствие чего не было возможности производить раскопки большими площадями.

В раскопе 1971 г. (рис. 1, AA₁, BB₁) на поверхности залегал дерн и далее торф до глубины 1—1,2 м. Под ним находился слой сапропеля толщиной 0,4—0,7 м, в нижней части которого виднелись тонкие прослойки алевроита, ниже

окончательно перешедшие в слой алеврита. Почти в центре раскопа (кв. с 9) оказалось два ряда стоящих березовых кольев, верхушки которых появились на глубине 0.8—1.0 м от поверхности. Нижняя часть их была углублена в слой алеврита. Первый ряд состоял из кольев неодинаковой длины, самые большие и лучше сохранившиеся достигали 120—143 см длины и 8—11 см толщины; между ними были натканы более короткие (55—80 см длины) колья и жерди. В 20—25 см западнее стоял еще один ряд крупных, хотя и не таких массивных, как в первом ряду, кольев, большинство из них имело 6—8 см толщины и 134—147 см длины; сохранился он хуже. Промежуток между рядами был заполнен большими кусками (до 50—60 см длины и 20—30 см ширины) сосновой и ольховой коры.

К северу и к югу остатки сооружения сохранились хуже; ряды тут не выявляются, колья найдены в лежащем положении. Возможно, в северо-западном углу кв. с 8 колья находились в изначально лежащем положении; в кв. в 8 оказалась куча свалившихся кольев, жердей и бревен, концы которых заходили в слой алеврита. Самая длинная березовая палка имела 168 см длины. По-видимому, это остатки второго ряда кольев. Далее к югу стоящие колья уже не прослеживались. Вероятно, в этом месте был перерыв. К северу от центра между длинными жердями и палками стояло несколько тонких кольев. В западной части этой группы с обеих сторон стояло тоже несколько тонких (3—5.5 см) и длинных (160—177 см) кольев. На северо-запад от основной группы в одном месте (кв. с 9) лежали заостренные расколотые узкие бревна (127—158 см длины, 10—15 см ширины) и тонкие жерди из черной ольхи и осины, южные концы которых в большинстве достигали слоя алеврита. Под ними на дне раскопа лежало осиновое бревно 200 см длины. Между жердями сохранился лишь один стоящий березовый кол. Еще далее на север лежало несколько бревен, южные концы которых уходили в слой алеврита. Между ними были березовые жерди и палки, по расположению которых ясно, что по крайней мере часть их должна была стоять. Они были длиннее, чем сохранившиеся колья, и, по-видимому, их быстрее могла подмыть вода. Между лежащими жердями обнаружены длинные и массивные палки с развилкой на конце. Одна из них лежала на южной окраине раскопа (кв. в 7) и достигала 255 см длины, вторая была 310 см длины (кв. с 7—9). Третья лежала у северной стенки раскопа (кв. с 10). На некоторых участках находились части хорошо обработанных досок. После освобождения раскопа от жердей и кольев оказалось, что к северо-западу верхняя граница алеврита поднималась. Так, на западной окраине раскопа уже на глубине 1—1.3 м видны были ясные прослойки алеврита в сапропеле, в юго-восточной части еще на глубине 1.6 м жерди лежали в сапропеле (рис. 1, *BB*₁).

В 1972 г. раскоп был продолжен на север и на юг. С южной стороны (кв. в—г 1—6) можно было проследить продолжение закола, хотя колья сохранились в стоячем положении только в редких случаях. Плотная стенка была, вероятно, на месте кв. с—д 5—6, а далее на юг видно, что колья стояли менее плотно. Между развалами кольев обнаружено много длинных прямых палок и палок с развилкой на конце. В основании раскопа в кв. с 5 лежала доска длиной 210 см, шириной 26 и толщиной 1.8—3.9 см. После снятия всех развалившихся остатков закола там же оказались остатки челна (рис. 2). В юго-восточной части раскопа лежали большие куски коры, по-видимому принесенные водой из центра закола. На северном участке остатки закола (кв. в—д 11—16) сохранились еще хуже. На обоих концах этого раскопа были видны алевролитовые прослойки, также принесенные водой с востока (рис. 1, *FF*₁) и запада (рис. 1, *EE*₁). Северный конец раскопа выходил к берегу перешейка, а на юге закол кончался, по-видимому в центре перешейка. Оба конца закола были оборудованы гораздо слабее, чем центр.

Судя по расположению сохранившихся остатков и дополняя наши наблюдения этнографическими данными, можно восстановить вид бывшего закола. В центре его, вероятно, плотно стояли два ряда березовых кольев, промежуток между которыми заполнялся корой. К северу и к югу от центра шли несколько изогнутые в виде крыльев участки, где колья стояли парами на более значительном расстоянии друг от друга. Промежутки между группами кольев были заполнены лежащими жердями и палками. Во избежание разрушений всдой

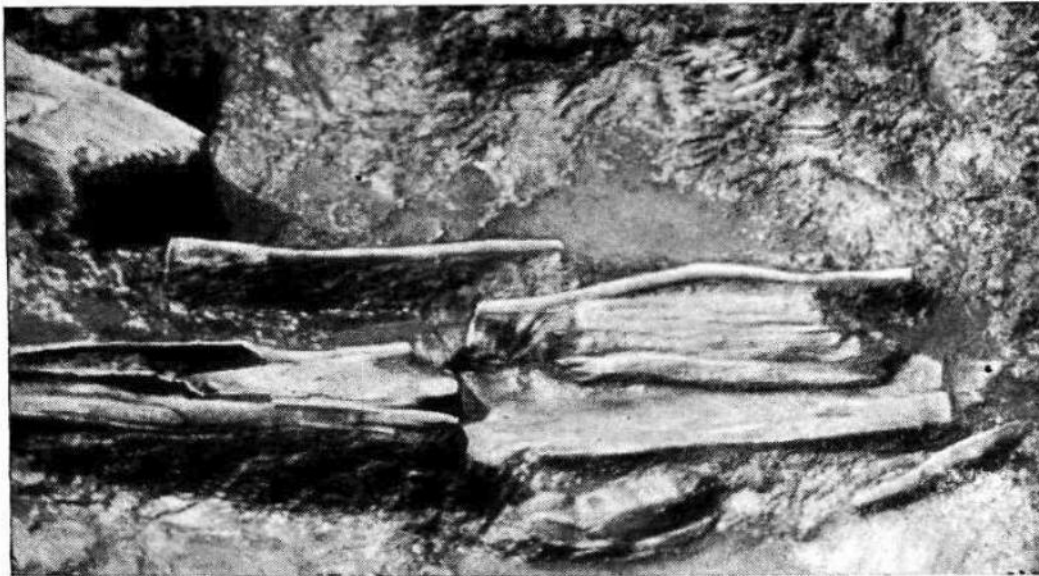

Рис. 2. Остатки челна, кв. с 5.

ряды были укреплены длинными бревнами, которые, по-видимому, привязывались в западной стенке закола прутьями. Кроме того, они подпирались длинными палками-рогулями.

Как видно по разрезам, закол неоднократно подмывался и заносился песком — то со стороны озера, то со стороны моря. Эти наводнения разрушали колья и жерди закола, так что, безусловно, каждый год приходилось их поправлять. Поэтому между основными кольями часто видны дополнительные, совсем иной длины и иной толщины. Основные колья изготовлены из березы (с корой), а дополнительные часто из более мягких пород дерева.

Согласно этнографическим данным,¹ с помощью такого короткого закола рыба ловилась лишь весной. Таким же способом заколы сооружались в реках Северной Европы. Укреплялись они поперек лежащими под водой бревнами, которые придерживались рогулями. Крылья таких заколов сооружались из более редко поставленных кольев, чтобы не приостановить течение реки. Таким образом, рыба, не найдя спокойного места в крыльях, была вынуждена плыть в центр закола, где попадала в вершу. Самый удаленный конец закола сооружался из совсем редко расставленных палок. Важно было только, чтобы их наклон способствовал течению воды и направлял поток туда, где стояла верша. Подобный закол полностью соответствует образцу швянттойского сооружения с его хорошо укрепленным центром и легкими загородками по краям.

Закол каменного века — довольно редкая находка вообще и в частности вышеописанный тип. Самая близкая аналогия ему — это закол, найденный в Луговском торфянике на р. Свяге Ульяновской области,² хотя там в стоячем положении сохранился лишь один кол, другие лежали. Между ними обнаружены как более толстые бревна, так и палки с развилкой, служившие, как предполагается, для крепления первых. Время сооружения не установлено. Некоторые остатки таких сооружений известны в Северо-Западной Европе,³ например в Норвегии (Рогаланд), где они принадлежат позднему каменному веку, в Дании (Свиннинг Вейле) — к атлантическому периоду.⁴ В большинстве же случаев известны сооружения иного рода — переносные щиты из жердей или прутьев,

¹ *Sirelius U. T.* Die Volkskultur Finnlands: Jagd und Fischerei in Finnland. Berlin; Leipzig, 1934, S. 122—124; *Vilkuna K.* Unternehmen Lachsfang. Helsinki, 1975, s. 140—151, 158—173, knv. 50, 51, 56, 57.

² *Буров Г. М.* Археологические памятники Верхней Свяги. Ульяновск, 1972, с. 35—40.

³ *Кларк Дж. Г. Д.* Доисторическая Европа. М., 1953, с. 53.

⁴ В литературе часто упоминается еще один «закол», найденный в 1911 г. на Карельском перешейке в местности Киркслетт (*Topelius G.* Ett fiskstängsel från Stenaldern. — SMYA, 1912, teos 26). Позже, однако, биологами было выяснено, что это сооружение бобров (*Euro-paeus A.* Fornfynd fran Kyrksätt och Esbo socknar. — SMYA, 1922, teos 32, s. 69).

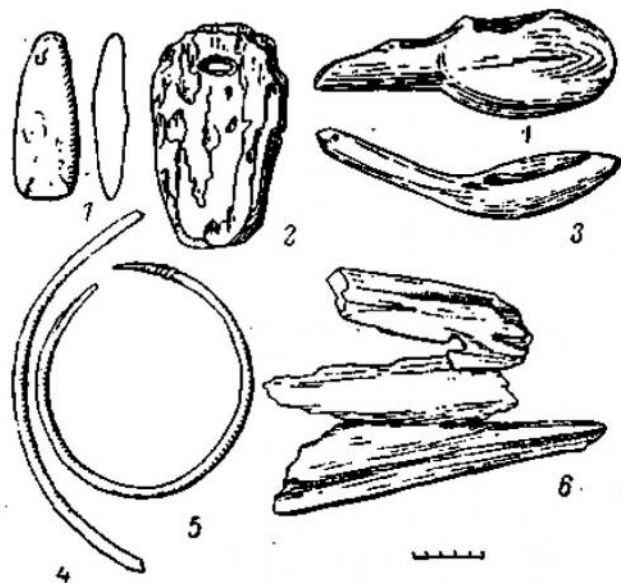

Рис. 3. Находки у закола.

1 — кремневый топорик; 2 — поплавок из коры; 3 — деревянная ложка; 4, 5 — луки из верши; 6 — деревянный поднос.

как например в Подзорове (верховья р. Воронеж),⁵ в Мармугине, на р. Юг и на р. Пингш.⁶ Сложные заколы встречаются на о. Еланд в Шедемосе.⁷ Ловушка другого рода, составленная из круга кольев,⁸ известна на р. Оке, около неолитического поселения Плеханово.

Тип закола, обнаруженный в Швянтойи 9, дожил, как видно по этнографическим данным, без существенных изменений до наших дней. Ловля рыбы в нем

происходила с помощью верши, вставлявшейся в промежутках между группами кольев. Подобный промежуток, по всей вероятности, и наблюдался в кв. Ыс 7. На территории, занятой закомом, найдены два лука от верши. Один из них в кв. с 9 (рис. 3, 5) округлый, диаметром 8 см, с соединенными и обмотанными лыком концами. От второго, кв. с 6, сохранилась лишь часть (рис. 3, 4), по которой размеры его установить невозможно. Эти луки показывают, что, вероятно, в обиходе были и верши, у которых каркас был сделан из жердей, а весь корпус обтянут сетью. Часть такого лука с сохранившейся сетью была найдена в поселении Швянтойи 2Б. Как свидетельствуют материалы из поселений Швянтойи 1А и 2Б, употреблялись верши и из лучин. Кроме того, в основании швянтойского закола, в кв. d 4, был найден пучок тонких прутьев, позволяющих предполагать употребление вершей из прутьев, известных также по материалам этнографии.

Наконец, около закола найдено несколько других рыболовных и бытовых предметов. Это отдельные грузила от сетей и вершей — расколотые камни с остатками перевязки лыком или плоская морская галька с выемками по сторонам (большинство из них найдено в северной части закола). Поплавок из сосновой коры (кв. Ы 11) подтрапециевидной формы длиной 15,7, шириной 9,5 см с расширяющимся верхним концом, в котором вырезано отверстие (рис. 3, 2). Особого внимания заслуживают остатки челна (рис. 2), лежавшие под развалинами жердей и бревен в южной части закола в основании культурного слоя (кв. с 5, 6). Сохранилось дно плоскодонного челна длиной 360, шириной 25—32 см. Одна доска была переломана в нескольких местах, и куски ее лежали на разном уровне. Концы других сужались, но в значительной своей части были обломаны. Особенно отчетливо видны углубленные части дна челна, к которым относятся, очевидно, еще два куса доски, лежащие поодаль (кв. с 5). По-видимому, чели утонул будучи уже сильно поврежденным, но все же сохранившим остатки борта. Таковым следует считать стоящую доску, суживающуюся к носу, длиной 55, шириной 7 см.

О культурной принадлежности закола позволяют судить несколько фрагментов сосудов, найденных около закола (кв. с 2, d 3, d 6, с 9, с 11). В кв. с 2 лежал венчиком вниз большой горшок слегка изогнутого профиля с тонкими стенками и штрихованной поверхностью (рис. 4), дно его было разбитым и упало внутрь Черепки от такого же горшка были найдены в кв. с 11, однако извлечь их не

⁵ Левенок В. П. Новые раскопки стоянки Подзорове. — КСИА, 1969, вып. 117.

⁶ Буров Г. М. О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек. — КСИА, 1969, вып. 117.

⁷ Hagberg U. S. The archaeology of Skedemosse. Stockholm, 1966—1967, vol. 1, 2, p. 84, fig. 74, 77—81.

⁸ Федоров В. В. Рыболовные снаряды неолитической эпохи долины р. Оки. — СА, 1937, № 2.

Рис. 4. Горшок in situ, кв. с 2.

удалось из-за плохой сохранности. Встречены также два скопления фрагментов слабопрофилированных горшков с отпечатками шнура на шейке. Все это формы посуды поздней фазы жуцевской культуры. Среди них выделяется своеобразный горшок (кв. d 3), профиль которого удалось полностью восстановить, поскольку, хоть и в раздавленном состоянии, он весь сохранился (рис. 5). Горшок имел 28.5 см высоты, резко S-видную профилировку стенок и маленькое плоское днище. В тесте большая примесь дресвы. Поверхность сплошь покрыта орнаментом: зигзаговыми рядами штампа, в какой-то мере напоминающими гребенчатые отпечатки, но скорее это отпечатки шнура, обмотанного на тонкую пластину (кремня?). Форма горшка безусловно характерна для культуры шнуровой керамики, но композиция орнамента для нее не характерна и свидетельствует о восточных влияниях. Это, очевидно, так называемый гибридный тип посуды, сформировавшийся на местной основе. Сам орнамент, напоминающий по внешнему виду гребенчатый, встречается вместе со шнуровым и в других поздненеолитических памятниках на окраинной территории распространения шнуровой керамики, где имело место влияние восточных (гребенчатых) культур.

В кв. b 12 найден кремневый топорик (рис. 3, 1), по-видимому, судя по его местонахождению в северном раскопе 1972 г. у самого закола, соскользнувший при работе с рукоятки и утонувший в иле. Он был изготовлен из светло-серого высококачественного привозного кремня. Лезвие не расширено и слегка скошено, овальное в поперечном разрезе. Обух несколько сужен. Длина топорика 11.6, ширина лезвия 4.2, толщина 2.7 см. Кремневые топорики овального сечения составляют местный прибалтийский тип, характерный для позднего неолита; в Литве они встречены приблизительно в 50 местонахождениях,⁹ главным образом в богатых кремнем южных и центральных районах. Упомянем, наконец, несколько кремневых отщепов со следами использования; некоторые, может быть, служили для высекания огня. Среди кремневых изделий один нуклеус.

Из деревянных предметов сохранилась ложка (рис. 3, 3), найденная в 1972 г. в южном раскопе (кв. d 5). Конец рукоятки был отломан, оставшаяся часть имела 20 см длины, из которых 11 см принадлежали головке. Последняя овальной формы, глубоко выдолблена; рукоятка несколько уплощенная, направлена резко вверх. Ложки довольно характерны для разных неолитических культур. Во многих поселениях культуры шнуровой керамики обычны глиняные ложки.¹⁰ В других поселениях Швянтойи ложки известны из ранненеолитических и поздненеолитических слоев.

При раскапывании мелиоративной канавы (кв. b 3) был найден поврежденным еще один деревянный предмет — своеобразный поднос (рис. 3, 6), имевший, наверное, подромбическую форму, плоский, с маленькими бортиками по краям.

⁹ Lietuvos TSR archeologijos atlasas. Vol. 1. Akmens ir žalvario amžiaus paminklai. Vilnius, 1974, p. 85.

¹⁰ Kilian L. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955, S. 27.

Рис. 5. Реставрированный горшок, кв. d 3.

Между сооружениями из жердей в кв. d 3 была найдена одна несколько отличавшаяся от прочих палка. Она была прямая, без коры, с хорошо сглаженной поверхностью и обеими заостренными концами, длиной 185 и толщиной 2.5 см. Предполагается, что это был стержень от копья.

В нескольких местах были отмечены незначительные скопления сторевших костей животных, найдена одна плечевая кость бобра и в кв. b 4 кучка бобровых резцов. В 1971 г. в основании раскопа найдены семена конопли, проса и мальвы. Дикие виды этих растений на территории Прибалтики неизвестны и должны были быть привезены с юго-востока.¹¹

Радиоуглеродная дата данного сооружения — 3860 ± 90 лет (Vib-8) — определяет время его существования самым началом II тыс. до н. э. Оно принадлежало носителям жуцевской культуры шнуровой керамики.

Приведенные данные в большой мере дополняют наши сведения об организации их общественного хозяйства. Они вполне соответствуют данным, полученным из других известных поселений жуцевской культуры, показывающих, что главную роль играло хозяйство присваивающее. Распространенными находками являются грузила от сетей, гарпуны и т. п., а также кости диких животных. На появление производящего хозяйства указывают несколько найденных костей домашних животных, как например в Швянтойи 1А или Жуцове, а иногда отпечатки или семена культурных растений.¹² Надо полагать, что люди, построившие данное рыболовное сооружение, пользовались не случайной добычей рыбы, но имели уже давние традиции рыболовства, которые, скорее всего, заимствовали у местных жителей — носителей нарвской культуры. Это лишний раз подтверждает, что жуцевская культура образовалась при слиянии культуры местных жителей (нарвской) с культурой пришельцев, носителей культуры шнуровой керамики.

В. М. РАУШЕНБАХ

ТОРФЯНИКОВАЯ СТОЯНКА У С. ЗАРЕЧЬЕ

В течение 1970—1972 гг. Государственным Историческим музеем велись исследования торфяниковой стоянки у с. Заречье, расположенной в 35 км к северо-западу от г. Ногинска на левом берегу р. Шерны — притоке р. Клязьмы. В окрестностях села краеведом Е. И. Диковым был открыт ряд разновременных памятников, среди которых наиболее интересна стоянка Заречье I с мощным культурным слоем. Раскопки ее проводились Диковым с 1965 по 1972 г. Это поселение занимает площадку на высоком мысу левого берега реки.

В настоящее время к северу от стоянки тянется широкая, слегка заболоченная пойма, заливаемая во время весенних паводков водами реки. В данном месте река как бы образует небольшой залив, который вклинивается в пойму (рис. 1). Не исключено, что в древности здесь могло проходить русло протоки, к северу от которой пойма несколько повышалась. В этой древней протоке (современной пойме) в непосредственной близости от берега, у подножия мыса, Диков при раскопках стоянки Заречье I в 1968 г. заложил шурф. В нем ока-

¹¹ *Вазтеев Ф. Х.* Очерки по истории и географии важнейших культурных растений. М., 1960, с. 96—98, 284—285.

¹² *Kilian L.* Haffküstenkultur. . . , S. 62—63.